

Клубные встречи

Отец — известнейший в Москве мастер пантомимы, профессор, которому шлет из Парижа сердечные письма сам Марсель Марсо; один из создателей знаменитого театра-студии МГУ "Наш дом"; актер, снявшийся в "Девяти днях одного года" и еще во многих фильмах. Дочь — одна из молодых звезд сегодняшнего Театра имени Вахтангова, играющая ключевые роли, талантливая и необычная. Недавно в Центральном Доме актера был их творческий вечер: ни одного свободного места, на сцене — эстрадно-театральное созвездие. Сегодня Илья Григорьевич и Юлия Ильинична Рутберг — гости "Вечернего клуба".

Илья и Юлия РУТБЕРГ:

Рутберг Юлия

«Время сейчас для людей способных — плюсовое»

Веч. клуб. — 1995. — 30 мая. — С. 7.

133

30.5.95.

— Илья Григорьевич, как началась студия "Наш дом"?

— 27 декабря 1958 года Аркадий Райкин открыл и напутствовал наш студенческий театр в клубе МГУ на улице Герцена, 1. Студию придумали и организовали трое: журналист Марк Розовский, врач Альберт Аксельрод и я, тогда инженер. В среде московской интеллигенции "Наш дом" пользовался, поверьте, невероятным успехом, поэтому был в конце концов признан вредным и в 1969 году закрыт. Кстати, не совсем понятны старания в этом направлении тогдашних парткома и профкома МГУ: в спектаклях "Нашего дома" звучали такие, например, песни: "Он сказал: Арбат мне очень дорог, но не время двигаться назад. Я в глухой тайге построю город с улицей, прохожей на Арбат!.." Что тут крамольного? В студии играли великолепные актеры-студенты: Володя Точилин, Толя Чернышев, Володя Кочин... Иных уж нет.

— Знаете, Илья Григорьевич, прошли годы и годы, но невозможно забыть пылкого, во весь мир влюбленного кавказца, который подлетает к Алексею Баталову и Татьяне Лавровой во время свадьбы их героев в "Девяти днях одного года" — и от полноты чувств (а также от того, что малость перебрал) только делает многозначительные жесты длинными добрыми руками...

— Эпизод мне и самому очень дорог. Но практически ничего сложного в нем для меня не было. Пантомима и

пантомима, что особенного... Хотя сыграть у Михаила Ильича Ромма в таком эпохальном для нашего времени фильме — честь само по себе.

— Что же было потом с вами, с создателями студии?

— Алик (светлой памяти) целиком посвятил себя медицине, защитил диссертацию. Марк сделался театральным режиссером, открыл театр у Никитских ворот, ставил спектакли и у Товстоногова, и у Олега Ефремова. Я пошел в пантомиму, написал несколько книг о ней, преподаю ее в театральных вузах, недавно получил диплом профессора. А задолго до этого, окончив Московский энергетический институт, решил поступить во ВГИК. Приняли со второго захода и выгнали после первого же новогоднего капустника. Затем еще раз приняли и снова за капустник же выгнали. Попытал счастья в ГИТИСе; ведущие педагоги вуза настаивали на приеме. Министерство культуры решило принять — при условии, что одновременно будет принят один стучак. Кстати, об этом все в ГИТИСе знали ("шпион живет этажом выше").

— Что пишет вам Марсель Марсо?

— Как-то неловко цитировать столь лестные письма великого мима. Ну вот, например: "Жизнь слишком быстротечна, наше искусство слишком глубоко, приходится продвигаться слишком медленно... Любимому Илюше, Марсель".

— Что для вас ваши дети?

— Слав необыкновенно серьезного и радостного. У меня две дочери. Старшая, Алена, вдруг вышла замуж, живет теперь в Англии, мне ее очень не хватает. А Юля, никаких актерских данных не обнаруживая, вдруг в восьмом классе объявила... Как я ее отговаривал! Сюрпризы от детей бесконечно интересны.

— Какие Юля преподавала еще сюрпризы?

— Самое приятное — ее роли. Они не были бы интересными, не будь неожиданными. Я бы выделил две. В постановке Романа Виктюка "Я тебя больше не знаю, милый" и в "Вечере французского водевиля". Впрочем, я пристрастен к ней — и именно в сторону максималистских требований.

— А что для вас ваши ученики?

— Преподаю давно и с удовольствием. Интересно угадывать рациональное творческое "зернышко" в человеке. Однажды в цирковом училище, где я преподавал пантомиму на курсе, которым руководил Роман Виктюк, появился новый ученик. "Илья, — сказал Роман Григорьевич, — присмотришься к нему, у него душа клоуна". Поработал я с ним и говорю Виктюку: "Душа клоуна у него кое-какая есть, но скорее душа интеллигента". "Что ж, — вздохнул Виктюк, — будем исправлять". Увы, ничего не получилось. Как-то около часа ночи, уставший, я уходил из училища домой, а навстречу в коридоре попался тот самый парень: он нес полное ведро... книг. Звали того студента Ефим Шифрин.

— Нужна ли гласность пантомиме?

— Гласность нужна всему. В свое время у меня была встреча с Екатериной Алексеевной Фурцевой. Она спросила: "Илья, хотите занять театр пантомимы, как у Марселя Марсо?" — "Нет, — ответил я, — как у Марсо, не хочу, хотя весьма почитаю его". Она продолжила: "Пьесы мы читать научились, в том числе между строк. А у вас — жесты, и между жестов мы читать не умеем, но ведь там что-то есть". Она была права.

— Что для вас главное в наши дни? И вообще наше время плюсовое для вас или минусовое?

— Для меня плюсовое. Появились новые возможности, и, хотя я не все их умею реализовать, важно, что они есть.

— Юлия, с кого вы "делаете жизнь"? С папы?

— Наверное, во многом с него. Хотя сначала "отягощение папой" было очень болезненно. Меня везде спрашивали: "Вы дочь Ильи Рутберга?" Мы похожи с ним, как одноименно заряженные частицы, которые отталкиваются. Но я вижу мир в том же ракурсе, что и он. У нас вообще любопытная семья. Бабушка с дедушкой танцевали в ансамбле "Остров танца". Мама, Ира Суворова, музыкант, тоже была в студии "Наш дом". Иногда мне кажется, что среди сверстников я несомненно: то, что у них впереди, у меня уже было, так как родители опередили время и жили по интеллектуальному и эмоциональному максимуму.

Сейчас иной рейтинг ценностей. Я не знаю, как орга-

низовать магазин или ларек (хотя и не осуждаю делающих это). Зато я могу организовать спектакль, просмотр и уговорить людей, что это нужно сделать бесплатно. Позиции завоевывают деловые люди, которые бесстрашны в случае провала. Слова сейчас обесценились, и, может быть, поэтому многое на себя взяла пластика. У нас деформировались устоявшиеся понятия. Слово "тусовка", например, из жаргонного стало литературным.

— Как, кстати говоря, вы относитесь к тусовкам?

— Когда это талантливо, то здорово. А когда бездарно... Тогда каким словом ни назови, хоть "акция", хоть "презентация"... Еще надо, чтобы был человек, который генерировал бы все интересное, созидательное. Как папа. Я тоже участвую в капустниках, вечерах пародии, проходящих в Доме актера. Мы делали капустники для Питера Штайна, Питера Брука, и они были очень довольны. Это же замечательно, когда собираются талантливые люди и позволяют себе озорничать!

— Что вам дорого, кроме театра?

— Дом. Мы живем с родителями. У меня замечательный муж, Алеша, музыкант. Сын Грища. На работе и дома необходимы любовь и уважение. Я спокойно отношусь на работе к тем людям, которые меня не любят. Лишь бы принимали всерьез, что гораздо прочнее. Это, кстати, тоже внушил мне папа.

Встречу организовал Григорий ПРУСЛИН.